

Из книги: Silburn L. *Hymnes aux Kali, La Roue des Energies Divines. Paris: de Boccard, 1975. P. 149–157.* Перевод с французского Андрея Игнатьева.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИРОДЫ КАЛИ Овладевая временем

Если существует только Центр, где постоянно и без малейшего усилия пребывает человек – вселенское Сердце и человеческое, сплавленные воедино – по какой причине столь трудно достичь этот Центр? Дело в том, что человеческое сердце не осознает того, что является безграничным Сердцем; оно ограничивает себя, когда обращено исключительно на периферию, оно позволяет захватить себя ощущениям и представлениям и находит удовольствие в себе самом, отделяя себя от жизни Вселенной и от своего собственного глубинного Сердца, источника бессмертия. Покров, который скрывает от него Центр, имеет причиной свою собственную длительность.

И даже когда человеческое сердце в изумлении открыло внутреннюю Жизнь, «Я», и его до сих пор неожиданный покой, внешнее разворачивание еще может поставить перед ним проблемы в том смысле, что если нынешние события меркнут и его деяния, постоянно канущие в Лету, стираются, не оставляя следа¹ (поскольку ничто по-настоящему не затрагивает Сознание «Я»), дело не обстоит все-таки таким образом в отношении событий, которые предшествовали этому новому рождению. Их глубоко поставленные отметки на манер временного габитуса продолжают определять настоящее и будущее, отсюда эти корни временности столь трудно вырвать, ибо они погружены в бессознательное. Именно с ними прежде всего и сражаются Кали.

Чтобы иметь должное действие, эта битва должна проходить среди повседневной жизни, и именно здесь на самом деле начинается круг Кали. Если отдаляешься от мира, будучи всегда погружен в себя самого и полагая, что таким образом порвал с прошлым, как узнать, что действительно распрощался с ним? Напротив, если предаешься занятиям, будучи поглощен заботами, присущими повседневной жизни, счастливые и несчастливые обстоятельства неоднократно предлагают возможность подвергнуть отделение испытанию и, если необходимо, укрепить его благодаря серии погружений в себя самого, восстановления контакта с «Я», где будут подавлены устремления и дифференциации и уничтожены зерна, способные дать новые всходы.

Стало быть, мы приступим к подробному исследованию энергий посредством обзора различных временных слоев в перспективе *Крамы-Махартхи*. Их нелегко обнаружить, поскольку ни один текст не описывает их

¹ Будет сказано, что эти деяния не приносят больше плода.

систематическим образом, тем не менее исследование исходит из внимательного прочтения наших гимнов¹.

Время и становление являются в этих очень образных гимнах как беспрестанно перерождающаяся гидра, принимающая новый облик, как только одна из Кали отрубает ей голову. На самом деле, время это не вместилище; порожденное внезапным появлением акта присвоения, оно, как следствие, представляет степени, соответствующие ступеням привязанности к вещам, действиям, представлениям и «Я». Таким образом, наши впечатления от становления облакаются в разнообразные, иногда очень тонкие формы, и наши энергии, называемые Кали, пожирают по очереди все аспекты временного порядка.

Именно у Майстера Экхарта мы словно обнаруживаем выраженную поразительным образом доктрину *Крама* в отношении времени и способа избежать его. К высказыванию апостола Павла: «Радуйтесь все время в Господе» он добавляет комментарий св. Августина: «Радуетесь все время тот, кто радуется вне времени и над временем»². Он неоднократно развивает эту идею: «Три вещи мешают человеку признать Бога. Первая это время, второе это телесность, третье это множественность³. Пока эти три пребывают во мне, во мне нет Бога, и он действует во мне своим собственным образом. Св. Августин говорит: «это происходит от алчности души, которая столь жаждет хватать и обладать, и она пытается схватить что-либо во времени, в телесности и во множественности, теряя таким образом даже то, чем обладает». Эти вещи, продолжает Экхарт, должны навсегда уйти, если Бог должен войти, если только ты не пользуешься ими лучшим и более возвышенным образом: множественным, ставшим в тебе единым. В таком случае, чем больше в тебе множественности, тем больше единства, так как единое преобразовалось в иное»⁴.

Этот же мистик с еще большей точностью заявлял: «Нет ничего столь сильно противоположного Богу, чем время <...> не только время, но и влияние времени, не только влияние, но и касание времени, не только касание, но и вплоть до запаха и пропитанности запахом времени, подобно тому, как в месте, где лежало яблоко, остается след запаха; и так из желания времени⁵... Душа <...> в своей возвышенности и чистоте не имеет ничего

¹ И особенно из прочтения древней «Крамастотры».

² Pfeifer. Op. cit. Sermon XXXVII. Gaudete in domino. P. 101-102.

³ В другой проповеди Pfeifer. Sermon XCVI. Dui audit me. P. 309) Экхарт сожалеет, что эти три вещи мешают нам услышать вечное слово: «Если бы человек оставил эти три, он пребывал бы в вечности и в духе, он пребывал бы в единстве и в пустыне, где бы он услышал вечное слово», Einekeit, единство или одиночество по ту сторону множественности.

⁴ Pfeifer. Op. cit. Sermon XC. Elizabeth impletum est tempus pariendi. P. 296.

⁵ В своем критическом издании Квинт (см. с. 162, примеч. 1) не сохраняет слово *begerunge* (желание, вожеление), данное Пфайффером, не обнаруживая в контексте его значения, и читает *berûngunge*, что напоминает *gûren* «контакт». Мы же здесь можем сослаться на св. Августина, выше процитированного Экхартом, для которого именно алчность, присущая

общего со временем»¹. Четыре термина² представляют порядок снижающейся интенсивности: влияние времени, когда мы привязаны к нему, касание времени, когда мы освободились от его рабства, но оно ещё способно затрагивать и волновать нас, затем запах, как только любой контакт прекратился; в таком случае время исчезло, и остались только его следы, пропитки или остатки. Таковы все более мягкие формы, которые принимают наши отношения со временем, или лучше, формы, связанные с нашим желанием времени: все более и более слабые по мере того, как время исчезает.

Как и Майстер Экхарт, шиваиты выделяют две формы длительности: длительность, вызванную привязанностью, и мгновенье, которое соответствует полному освобождению от привязанностей. Человек, привязанный к своей собственности, к делам, к представлениям, к своим собственным познаниям, действует, думает и желает в рамках длительности. Наши гимны показывают нам, как по мере того, как уменьшится влияние на вещи, тело и дыхание, время словно «отстаивается», а длительность ослабевает. Кали действуют на трех все более обширных и глубоких уровнях, идя от деятельности к познанию, а затем к намерению, и это по четыре раза для каждой из них, чтобы вырвать с корнем даже самые сокрытые ответвления привязанности. Но всегда именно это самая великая и обладающая сознанием энергия сначала бьет ключом в мгновенье, затем сохраняется момент за моментом, не будучи подвержена длительности, и именно также она исчезает, поглощая всё или, наконец, является свободной и могучей, как только растворились последние следы различных длительностей. Отсюда разнообразные времена, когда мы восходим вплоть до его последних углов, пропитывания его запахом в соответствии с точным значением термина *васана*.

Начнем с исследования горизонтального, индивидуального и ограниченного времени, такого, в котором мы привыкли жить; это время, которое, как кажется, уносит нас с сумасшедшей скоростью, и пленниками которого мы являемся, заключается в двойном ощущении: возвращение в прошлое³ и устремленность в будущее. Зажатый между этими двумя моментами – замыслом и его результатом – момент настоящего оказывается словно «сваренным», он представляет собой не свободный акт, но простое

душе, порождает дифференцированную множественность с ее временным проявлением, мы полагаем, что в данном случае речь идет скорее о желании истока времени.

¹ Pfeifer. Op. cit. Sermon XCV. Eralis enim aliquando tenebrae. P. 308.

² Anehaften, rüeren, ruch, smak.

³ Не столько осознанное возвращение в прошлое, сколько его неосознанное присутствие из-за его укорененности в нас, в прошлых формах, определяющих будущие формы, так что прошлое и будущее безостановочно налезает друг на друга, и это налезание определяет план. Напротив, мгновенье может быть в действительности пережито лишь в пробеле между ними. И само это нынешнее мгновенье, которое освобождается стиранием мгновений прошлого и будущего, также должно исчезнуть, поскольку оно зависит от них. Как только реальность открывается, остается только вечное мгновенье, свободное от длительности. См. примеч. 2 на с. 155, показательное место у Абхинавагупты на эту тему.

продолжение прошлого и уже взятого в будущее, вовлеченное в цель, не имеющую конца – эти оковы длительности, признак «Я», которое присваивает вещи и привязывается к своим собственным действиям.

Длительность, обладающая наибольшей силой, это длительность, в которую впутываются целиком, привязываясь к действиям и к их результату, отсюда вызревание плодов дел, связывающее с кармой и ее воздаянием. Но существуют также легкие длительности, лишённые напряжения и забот: так время течет во время слушания музыки. Кроме этого, можно постоянным образом жить в *стхити*, не находясь в длительности: проживать мгновение за мгновением, не будучи захваченным потоком становления, потому что не иметь никакой склонности.

На самом деле, ни действия, ни представления, ни намерения не стесняют свободы, оказываются препятствиями только привязанность и желание обладания. Гимны Кали позволяют нам присутствовать при нарастающем или внезапном завершении пути человека, который, будучи *нирвикальна* по своей природе, должен стать таковым во всем своем существе¹.

Именно перпендикулярно горизонтальному, линейному и однонаправленному времени восстает, вертикальная и свободная, первая среди Кали, мгновенность. Затем каждая из прочих Кали пронзит одну из форм временности, которая ей присуща, чтобы развиваться в полноте мгновения, отсюда открытие изначальной свободы в несколько ступеней.

Грозный аспект длительности касается деятельности и наслаждения, зависящих от существ и от вещей во время напряженного и продолжительного контакта с чувственно воспринимаемым миром: беспрестанное волнение, обязанное мучительной борьбе между до и после и, что касается будущего, планами и заботами. На уровне аффективности длительность облекается в форму воспоминания-предвидения, состоящего из ностальгии или сожаления, когда мы обращаемся к прошлому, или из страха в отношении будущего. Вторая из Кали, необузданная в наслаждениях, и для которой существует только «здесь» и «теперь», проживает совершенство в мгновение, так как она положила конец желанию.

Но существует также, так сказать, витальное становление, связанное с колебаниями вдоха и выдоха и представляемое в наивысшей степени эмоциями наподобие ярости и ужаса². Эта аритмия дыхания влечет

¹ См. с. 49 в этой книге, где мы оказываемся при нарастающем поглощении времени: что дробит Сознание, – ясно заявляет Абхинавагупта, – так временные ограничения, а не ограничения воспринимаемых объектов, какими разнообразными бы они ни были. И еще в комментарии на «*Parātmśikā*» р. 18 сказано: «Именно неправильно рассматривать уровни реальности (*таттвы*) как связи». Поскольку подлинная связь это ограничение, которое на эти уровни налагают.

² Но как только волнение достигает своего апогея, дыхание останавливается, и наступает сильное ощущение вибрации: тонкое время отныне только вибрация сознания, когда вертикальное дыхание поднимается из огня, поглощающего последние ограничения. См. в этой книге с. 51.

напряженность, также как и рассеянность мысли. Тем не менее, когда два жизненных дыхания, ослабленные и умиротворенные, самопроизвольно объединяются в устойчивом центре, энергия дыхания поднимается по среднему пути и вертикально тает вне времени. Это дело третьей из Кали.

Остается еще, по ту сторону всякого действия, познания и акта воли, сам источник наших впечатлений длительности, состоящий из ограничения, исключения, совокупности моральных, социальных предписаний или предписаний, касающихся жертвоприношений, порождающих сомнения и конфликты, от которых тем более сложно избавиться, чем они не относятся к осознанному прошлому: они зависят на самом деле от впечатлений¹, оставленных на протяжении лет указаниями и запретами религиозных трактатов: какое правило поведения принять, как выбрать, что делать и что не делать? Такие конфликты в мгновение ввергают жизнь в беспокойство, не оставляя ничего от умиротворенной очевидности и спонтанности действия, так как жизнь самопроизвольно свидетельствует, что мы свободны от надежды, сожалений, правил и даже от престижа, которым обладают священные книги.

Две последующие энергии помогают от этой временности, происходящей от остатков деяний. Только подлинное сияние поглощающей энергии может лишить блеска дифференцированное, остающееся еще в сердце²; сознание оказывается бесконечным, как только, достигнув высшего состояния знания (*унмани*) через разрушение двухполюсных мыслей, стирается всякая последовательность во времени.

Даже при отсутствии колебаний мы разоблачаем на уровне чистого познания, свободного от экстерниоризованного объекта познания, более сокровенную последовательность, присущую мышлению, и его органам и происходящую из его привязанности к идеям, мечтам, воспоминаниям, мистическим состояниям. Субъект в таком случае осознает, что «зародыш смерти» еще остается в нём. Преимущество, которая принадлежит «Я», даже освобожденному от аппарата сознания, является, таким образом, последним следом личного времени. Энергия Мритьюкали, разрушающая это познание, именуемое «смертельным» по причине остатков присвоения, которые оно содержит, внезапно появляется, не будучи ограниченной временем, поскольку эта энергия пребывает в полной интериорности. Чтобы по-настоящему избежать воздействия времени, необходимо уничтожить дифференцированное при помощи разнообразной деятельности, интериоризованной и ставшей обожествленными энергиями (*деви*), как только они снова обретают самопроизвольный динамизм.

Задача всех последующих энергий заключается в том, чтобы избавить субъект от многочисленных аспектов познания, находящегося в услужении у «Я» и подчиняющегося еще определенному автоматизму. Вначале Рудракали производит расплавление остатков сомнения, сохраняющего стойкость,

¹ Или темные устремления, еще не преобразованные в обладающую сознанием энергию.

² См. «Крамастотра» Абхинавагупты, шлока 19.

потому что это сомнение связано с высшим различием духовного порядка, которое относится к злу и добру, к добродетели и ее противоположности; это различие, которое порождает не столько становление, сколько страх перед становлением¹, вызывает очень тонкие колебания, которые снова создают препятствие для самопроизвольного действия. Искоренение, о котором здесь идет речь, носит всеобъемлющий характер, поскольку мы сравниваем его с тем, что кладет конец космическому циклу²; дело в том, что для приверженцев мгновенности в любой момент и в каждом из наших деяний осуществляется эта великая *кальпа*.

Затем, чтобы поглотить временную деятельность, Мартандакали в мгновенье низвергает в чистом субъекте инструменты ограниченного познания и остатки присвоения в их отношении. Наконец, другая форма временности поднимается от привязанности к «Я», которое мы обнаруживаем при любом начале осознания во время, когда мы делаем выбор, принимаем намерение, испытываем желание, в момент, когда «Я» устанавливается и таким образом скрывает себя, развертывая временной цикл. Это приводит нас на высший уровень очищенного «Я» (*праматри*), присущий могущественному *йогину*, называемому «наставником временного огня», так как, превзойдя последовательность, он управляет становлением, которое развертывает и свертывает по своему усмотрению. Тем не менее *йогин* сохраняет еще некоторую зависимость от времени по причине остатка привязанности к наслаждению; он не может утратить ограничения, если сохраняет пропитку (*васана*), этот затхлый привкус времени в форме зародышей, лишенных динамизма, как очень старое дерево, которое, лишившись жизненной силы, однако, не падает³. Будет ли неверным сказать, что порождающая их сила растягивается в лоне времени, не обладая временной сущностью? Только сияние Шивы, явленное целиком с Калагнирудракали, может стереть время.

Что касается безграничного Субъекта, Махакалы, блистающей формы неделимого Времени, он исчезает в космическом пекле места кремации, где пылает яростный огонь и поглощается крайнее различие последовательного.

По ту сторону того, что устанавливается как «Я», которое необходимо еще осознать, существует неопишное лунное Великолепие, последняя Кали. Время навсегда остановилось⁴, однако обладающая сознанием Энергия

¹А именно страх перед тем, чтобы снова оказаться в двойственности *сансары*.

²*Кальпа*, древняя «Крамастотра», шлока 7.

³Этот пример подсказан Абхинавагуптой: *Laghuvṛtti*. P. 23.

⁴Уже несколько веков до н.э. Чхандогья-упанишада великолепно образно выражает остановку Времени-Года для мистика, привязанного к Центру. Здесь неподвижное Солнце является на самой вершине неба (*урдхва*): «Взойдя же наверху, оно уже не будет ни восходить, ни заходить. Оно будет стоять в Центре (*мадхья*) одно. Об этом такой стих: Там оно никогда не садилось и не восходило...» «Поистине, для того, кто знает как эту упанишаду о Брахмане, [солнце] не восходит и не садится; для того вечно [длится] день» (Ш.11.1–3). Последующие стихи указывают на важность такого откровения, которое

одновременно представляет свободные циклы внутри своей недифференцированной сущности. Но не забудем, что именно в ней может существовать единое теперь¹, вечность, тождественная сама себе. Это и есть подлинная свобода, божественная независимость. В таком случае человек проживает в ней огромное мгновенье и не знает ни страха, ни последовательного времени. Все пребывает в нем, и он не ожидает ничего ни от прошлого, ни от будущего, потому что ничего нового не может с ним случиться.

Каласанкаршини, поглотительница, которая сдарила сущность Времени, является ни чем иным, как высшим царством (*пада*), воспетым Абхинавагуптой², «это сокровище, которое есть царство Бога» Майстера Экхарта, и которое скрыли время, многообразие, творчество, присущее душе, и природа твари». Ибо эти деяния, будучи многообразными, приводят к многообразию. «Но насколько душа отделяется от всего этого многообразия, в ней осуществляется царство Бога <...> Я скажу еще на тему души: когда она рассматривает все свои деяния в царстве Бога, все они совершенны, поскольку одинаковы. Здесь мое наименьшее есть мое наибольшее, и мое наибольшее есть мое наименьшее... Все его деяния будут совершаться как одно деяние, то, что обязано произойти в божественном царстве, где человек является Богом. Здесь все божественные вещи отвечают ему, и он – единственный хозяин всех своих деяний. Так как я говорю это поистине: все деяния, совершаемые человеком вне царства Божия, суть деяния мертвые, но те, что человек свершает в царстве Божьем, суть деяния живые»³.

Эти деяния жизни являются деяниями, внезапно появляющимися из обладателей деяния (*кала*), которые представляют собой обожествленные функции человека, а человек этот, не будучи связан ни с пространством, ни временем, развивается в полноте мгновения. Для Экхарта, как и для

следует хранить в большой тайне, так как это «величайшее из сокровищ», его следует передавать только достойному ученику (Ш.4–6).

¹ Абхинавагупта уточняет в отношении момента, в котором блистает Реальность: «В *это мгновенье* даже два других момента, в прошлом и в будущем, исключены, поскольку (реализация) ограничивается нынешним мгновеньем. Но это мгновенье также в свою очередь исключено, поскольку оно образует жизнь двух других моментов. *Кула* отождествляется таким образом с колесом лучей Солнца-Бхайравы, то есть с распространением своей собственной манифестации. Но когда *кула*, тождественная Колесу, стабилизируется, отождествляясь с интериоризованным Сознанием, *кула* есть ни что иное, как Несравненное по ту сторону пространства и времени, это наслаждение высшим блаженством, непоколебимый (и однако) постоянно бьющий ключом поток. Отсюда стих из «Вадья-тантры»: «Установив свое собственное Колесо лучей и выпив несравненный нектар, не ограниченный двумя временами (прошлым и будущим), пусть будет он счастлив в (вечном) настоящем». *Санрудхья* и более высокая *нирудхья* создают трудность; эта остановка означает, согласно примечанию, погружение всех ограничений в единое Сознание. Parātr̥ṣīkā avec le vivaraṇa de Abhinavagupta. P.35.

² «Крамастотра», стих 3. Ср. место из «Девьямалы», где она в мгновенье пожирает время, перетянув к себе жизненное дыхание, основу времени. «Тантралока» 15.335–338, и в этой же книге с. 95.

³ Jostes. Op. cit. № 82. P. 96–97.

приверженцев *Крамы*, обособленный человек остается бесстрастным, но не неподвижным, всегда равным самому себе, чтобы он не предпринимал и чему бы он не вынужден подвергаться. Его бесстрастность (*gelîcheit*) происходит из однородности (*самата*) между внешним и внутренним мирами и свидетельствует об его божественной природе. И как раз в Божьем царстве все вещи равны, потому что недифференцированы, в том смысле, что они не существуют более для *джнянина* в форме последовательных интеллектуальных детерминаций (*викальпа*) или произвольной фрагментаризации, чтобы овладеть ими, но «по сути», как в самом Бхайраве. Стало быть, избежать любого ограничения в длительности и в пространстве означает жить, как он, всегда, повсюду и во всех вещах. В таком случае, осознавая вечность своей природы, *джнянин* самопроизвольно предается Энергии, ее ритму творения и поглощения.

Упадок и преобразование, ограничение и свобода, все это сводится, в конце концов, к одной и той же энергии. Время и его необходимость в образе энергии, которая скрывает и поработывает и, сталкиваясь с движущей силой связи, движущая сила освобождения: энергия, открывающейся в ее роли независимой владычицы. Энергия является, таким образом, как перекресток, чьей изнанкой выступает временная необходимость, а лицевой стороной – свобода. Подлинная свобода правильно понимается только по отношению к необходимости, так как необходимость заключается в том, чтобы ничего не отвергать, радикальной чистоте в отрицательном, такой чистоте, что двойственность исчезает, равно как и вращение лицевой и обратной сторон, и не существует более даже отрицательного. Необходимость оказывается действенной, поскольку она ни «да», ни «нет»: «это» просто-напросто за пределами колебаний. Таким образом мы достигаем корень времени, который есть корень необходимости-свободы, и купаемся в самопроизвольном (*сахаджа*), подчиняясь вселенскому порядку (древней *рита*), но порядку, в котором нет ничего всепоглощающего. Каждая вещь оказывается имеющей оправдание, поскольку совокупность, которая и есть сам порядок, пребывает во всякой вещи и во всякий миг. То, что было необходимостью, с того момента только полнота и совершенство.

Но мы не можем подняться на вершину, где совпадают свобода и необходимость, не ослабив нашего воздействия на существа и вещи и отказавшись от того, чтобы подчинять их своим планам. А значит, нам необходимо вернуть им их первоначальную свободу, также как Богиня-мать Адити-которая-развязывает, срывая с нас оковы, препоручает нас нашей врожденной спонтанности.

Эти гимны нелегко понять тому, кто сам не пережил представленный в них опыт. Я ставлю себе цель сгруппировать разрозненные данные, касающиеся каждой из Кали и осветить их при помощи объяснений, данных Абхинавагуптой в его «Тантралоке» с комментарием Джаяратхи, пытаюсь определить то, что каждая Кали порождает или разрушает, то, каким образом она выполняет свою специфическую задачу, и взгляд на Вселенную, который из этого проистекает.

Как было видно, Энергия по своей сути не дифференцирована на субъект, объект и средство познания. По причине ее чистоты ее называют Каласанкаршини, которая пожирает загрязнения времени. Тем не менее, благодаря своей свободной мощи и не утрачивая своей природы неизменного Сознания, она открывает в себе самой субъект и объект как отдельные и как иное, чем она, хотя в действительности это есть она, всегда она, развертывающаяся через совокупность вещей. Абхинавагупта так говорит об этом в своем изложении¹, касающемся двадцати Кали:

«Но вначале высшее Сознание (все), не переставая оставаться (тождественным самому себе), проявляется в двух аспектах: внешнем и внутреннем; и здесь (в себе самом), побудив проявиться, если так можно выразиться, “другое”, оно блистает»².

¹ «Тантралока» 4.146.

² *ata eṣa sthitā samvidatarbāhyobhayātmanā /svayaṃ nirbhāsyā tatrānyabhāsayantīva bhāsate* (4.147), этот стих следует за стихами 121–146, чей частичный перевод см. на с. 83. «Другое», которое кажется отдельным от нее, имеет своими формами обладающие сознанием субъекты, объекты и то, что их объединяет, инструменты познания.